

«...Потому он дважды повторяет слово *Бог*,
что хочет сделать сильнее и крепче свою хвалу»:
о метрике интродуктивной строфы
к поэме «Чудо Колума Килле»

Татьяна А. Михайлова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, tamih.msu@mail.ru*

Аннотация. Как принято считать, поэма-элегия «Чудо Колума Килле» является самым древним текстом на ирландском языке и была написана вскоре после смерти святого в 597 г. Но, как также принято считать, пред-посланная ей «интродуктивная строфа», или «интродуктивная молитва», является текстом более поздним, она сильно отличается от самой поэмы и по языку, и по метрике, а также – по стилю (личные обращения к Богу вместо рассказа о святом). В своем исследовании, посвященном анализу языка «Чуда Колума Килле» Дж. Бизани (2008) обратил внимание на наличие скрытых цитат из Псалтыри в интродуктивной строфе. В работе развивается его идея, а также проводится анализ ИС с точки зрения ее метрики.

Ключевые слова: древнеирландская поэтическая традиция, метрика, лорики, псалмы, святой Колум Килле, датировка поэмы «Чудо Колума Килле» и интродуктивной строфы к ней

Для цитирования: Михайлова Т.А. «...Потому он дважды повторяет слово *Бог*, что хочет сделать сильнее и крепче свою хвалу»: о метрике интродуктивной строфы к поэме «Чудо Колума Килле» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 191–216. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-191-216

“It is why he doubles the word *God* –
on account of the rapidity and avidity of his praising”:
towards the metrics of the introductory stanza
to “*Amra Choluim Chille*”

Tatyana A. Mikhailova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tamih.msu@mail.ru

Abstract. As generally accepted, the poem *Amra Choluim Chille* is the oldest dateable poem in Irish, written soon after the death of the Saint in 597. But as is also generally accepted, the “Introductory stanza” or “Introductory Prayer” to the elegy is later: it differs in language and metrics and stands apart from the *Amra* itself. It is also to be noted that the content of the Introductory Prayer has no direct connection with the text of the *Amra* as elegy. In his analysis of the language and style of IP dr. J. Bisagni found the influence of the Psalms. In my article I follow his ideas and I will try to take a ‘step’ further: I suggest the IP text represents an old Irish monastic *lorica* (protective prayer) and was attached to the corpus of the *Amra* during the arrangement of the ‘canonic’ version of the elegy in the Middle Irish period. The metrics of the IS are also analyzed.

Key words: Old Irish poetics, metric, Book of Psalms in Early Ireland, Old Irish *loricae*, St. Columba, St. Jerome and his translations, dating of the Introductory stanza to ACC

For citation: Mikhailova TA. “It is why he doubles the word *God* – on account of the rapidity and avidity of his praising”: towards the metrics of the introductory stanza to “*Amra Choluim Chille*”. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;3(36):191-216. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-191-216

Введение

Начать статью я намеревалась сравнением значения поэмы-элегии на смерть святого Колумбы для ирландской литературной традиции с той огромной ролью, которую в свое время сыграло для традиции русской «Слово о полку Игореве». Однако скоро поняла, что данное сравнение оказалось бы очень натянутым. С одной стороны, действительно, история «Чуда Колума Килле» (*Amrae Choluimb Chille*) как памятника и как собственно текста имеет много общего со

«Словом...»: оба считаются древнейшими полнообъемными текстами автохтонной традиции и оба «возвышаются уединенным памятником в пустыне древней словесности», как удачно сформулировал это в статье «О ничтожестве литературы русской» еще А.С. Пушкин [1 с. 307]. Более того, оба текста в свое время были загадочным образом утрачены, но затем таинственным образом найдены, причем именно тогда, когда в них оказывалась историческая и социальная потребность: для России это был конец XVIII в., для Ирландии – начало XI в., время активной борьбы против викингов и временной консолидации разрозненных мелких королевств¹.

Но с другой стороны, парадоксальным образом «Чудо Колума Килле» в отличие от «Слова...» не стало текстом прецедентным, не породило подражаний, почти не цитировалось. Таким образом, возникает своего рода парадокс: памятник, созданный у истоков традиции, затем – утраченный и вновь обретенный в период художественной и историко-социальной ломки стандартов, причем текст – не утраченный вновь (как «Слово...»), но бережно хранимый во многих списках и обильно глоссируемый², почему-то не стал образцом для подражаний. «Чудо...» по-прежнему воспринималось как «уединенный памятник», несомненно очень ценный, сама история написания которого постепенно обросла легендами, но при этом требующий не только особого пиетета, но и особой дистанцированности.

«Чудо Колума Килле»: история изучения

Такое отношение к поэме сохранялось в Ирландии вплоть до нашего времени, что, естественно, затрудняло ее текстовый анализ и особенно ее непредвзятую датировку. Как, например, пишет автор популярного комментированного издания поэмы Аэдан Мак Полин: «Мы знаем, что эта изысканная элегия была написана вскоре после 597 г. И что ее автором был Даллан Форгалл, “слепец знания”, которого сам святой Колум Килле объявил “королем поэтов”. Таким образом, “Чудо...” представляет собой самый древний текст, написанный на ирландском языке» [6 р. 88].

¹ О том, кому и почему оказалось нужным «Чудо Колума Килле», см. в нашей работе [2].

² См. обильные интерлинейные глоссы к поэме, появляющиеся уже в наиболее ранней рукописи Liber Hymnorum [3], и затем как бы разбухающие – в рукописи Lebor na hUidre [4], и затем еще более расширенные в так называемой Бодлеанской версии [5].

Такая точка зрения, насколько мне известно, не оспаривалась современными историками и ее разделяют некоторые лингвисты. Как пишет, например, Мойра Херберт, известный специалист в области ранней ирландской церкви, ссылаясь при этом на значительный корпус филологических исследований: «Согласно лингвистическим данным, создание поэмы датируется примерно 600 г., что соответствует рукописным свидетельствам, по которым она была сложена вскоре после смерти святого» [7 p. 9–10].

Тем не менее данная общепринятая точка зрения была оспорена итальянским лингвистом Джакомо Бизани, который в своем диссертационном исследовании сумел доказать, что основной текст поэмы датируется примерно VIII в. и написан был, скорее всего, не легендарным поэтом Далланом Форгаллом, а анонимным клириком из монастыря на острове Иона (возможно – из монастыря в Келлсе) [8, 9]. Впрочем, его труд, хоть и известный ирландистам, не получил широкого признания, и исследователи как бы по умолчанию по-прежнему говорят о поэме как о самом раннем поэтическом ирландском тексте, а ее автором по-прежнему признается Даллан. Как писали в свое время Т. Кланси и Г. Маркус, «поэма приписывается поэту по имени Даллан Форгалл, и поскольку его репутация в основном строится на этом авторстве, было бы безумием перестать соотносить его имя с “Чудом”» [10 p. 97]³.

Однако в самые последние годы архаичность поэмы все же оказалась поставленной под сомнение. И как писал в своем объемном труде «Ключ к древнеирландской литературе» известный ирландский историк Д. О’Коррань, полагавший, что некая устная редакция элегии могла появиться на Ионе действительно вскоре после смерти святого, «проблема датировки окончательной редакции “Чуда Колума Килле” остается не ясной и сомнительной» [11 p. 1117].

Вопрос о датировке поэмы действительно очень сложен, и на верное, наиболее перспективной в данном случае предстает идея, высказанная П. Расселлом: «Архаически составленный текст поэмы содержит отсылки к реалиям раннего христианства и христианской ученой традиции, но в целом “Чудо Колума Килле” вряд ли

³ Отмеченные ими текстовые переклички с элегией святому, приписываемой святому Адомнану, аббату монастыря на острове Иона и автору латинского Жития св. Колумбы (ум. ок. 704), и стихами поэта-клирика того же монастыря Беккана Мак Лугдеха (VII в.) на самом деле могут рассматриваться не как цитации, но как проявления бродячих формул, циркулирующих в пространстве одного монастыря (см. [10 p. 239]).

может быть целиком соотнесена с этим периодом; сам текст явно неоднороден и представляет собой скорее компиляцию из более ранних и более поздних фрагментов» [12 р. 291]. Эта идея очень перспективна для дальнейшего анализа текста поэмы в целом: как возможной датировки, так и ее изобразительных средств. Иными словами, представляется более уместным говорить в данном случае не об авторстве текста (и даже не о неосознанном авторстве), но скорее – о компиляции.

Хотелось бы привести здесь один небольшой пример, который, насколько мне известно, пока не обращал на себя внимания исследователей. Так, в 3-й строке Первой песни поэмы, посвященной описанию общего горя как реакции на смерть святого, употреблено сочетание – *mór mairg* ‘великое горе’⁴ [10 р. 104]. Слово *mairg* в древне- и среднеирландском языке представляет собой несклоняемое существительное, имеющее скорее характер междометия и, как правило, образующее нефинитные конструкции с местоименными предлогами: *mairg dom* ‘горе мне, увы мне’. Сочетание *mairg* с прилагательными считается архаизмом. Но это же сочетание *mór mairg* мы встречаем в ранней версии саги «Смерть Кухулина», причем – в архаическом (акцентном) плаче по герою, приписываемом его жене Эмер: *mór ngalga*t, *mór mairg* [13 р. 30] – ‘великое несчастье, великое горе’. Предположительно, мы видим здесь архаическую формулу, причем – аллитерированную, традиционно использовавшуюся в поэтических плачах и воспроизведенную в поэме на смерть святого. Наверное, аналогичных примеров можно найти еще много.

Итак, «Чудо Колума Килле» неоднородно по своему происхождению и неомогенно как художественный текст. Сказанное, несомненно, нуждается в более аргументированных доказательствах, но скорее в том, что касается поэмы в целом. Что же касается так называемой «интродуктивной строфы» к поэме, то ее выделенность и своего рода «чужеродность», как кажется, никогда и не вызывали сомнений, причем – уже для среднеирландских компиляторов.

Пролог к поэме

В Прологе к поэме, содержащемся уже в самой ранней из дошедших до нас рукописей – «Книге гимнов» (*Liber Hymnorum*), компиляции начала XI в., рассказывается, что святой Колум Килле

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, поэма цит. по унифицированному изданию [10].

предупредил поэта Даллана о том, что день его смерти и, соответственно, день начала работы над сложением поэмы-элегии будет ознаменован тремя чудными явлениями: “Cuin ro innub th’éc ocus tu in-ailithri ocus messe in nHerinn’? Tri (com)arthai immorro dorat Colum Cille dó, in tan dogénad a molad, comad marcach eich alaid no innised dó eitsecht Coluim Cille; ocus in cétna foccul noráidfed comad he tosach in molta; ocus a shuli do lécud dó céin no beth ic a de(nam)” [3 p. 164] – «Как смогу я узнать о твоей смерти, если ты будешь в своем паломничестве, а я – в Ирландии? И тогда Колум Килле поведал ему о трех знамениях, которые отметят день начала сочинения поэмы-элегии. То есть появится всадник на пестром коне и объявит о смерти Колума Килле. И слова его будут таковы, что это и будет первой строкой поэмы. А еще ему будут отпущены его глаза на то время, что будет он занят этим».

Упоминание слов загадочного вестника на пестром коне, которые должны были стать началом первой строки поэмы, естественно, не случайно. Они не только демонстрируют поэтические и теоретические компетенции и политические установки и ориентир среднеирландского компилятора Пролога⁵, но и дают возможность вычленить собственно текст поэмы. В древнеирландской силлабической системе и, как пишет Дж. Мерфи, «возможно и в более ранней поэзии, существовало правило: последнее слово последней строфы, называемой *íarcomar* (“послед-битвие”), повторяет первое слово первой строки поэмы. Поэма, в которой не соблюдено это правило, называется лишенной *dúnad* (“прикрытия”)» [15 p. 43].

Таким образом, судя по тексту самой поэмы, мы можем сделать вывод, что реальным «первым словом» является словосочетание: **Ní díscéoil** duae Neill – *букв.* «Не без новости дом Нейллов». Оно же повторяется в конце поэмы: *Nímda húain. Ní díscéoil.* – «Мое время вышло. Не без повести»⁶.

⁵ Говоря проще, легенда о всаднике на пестром коне сложилась позднее, чем, предположительно, была составлена сама поэма, и поэтому строка, отсылающая к «дому Уи Нейллов», демонстрирует и проуинейловские установки компилятора Пролога либо самой «Книги гимнов», либо – проторедакции, к которой Пролог восходит (см. об этом в работе [14]).

⁶ Ирландское *scél* имеет два значения: «новость» и «повесть, рассказ», что часто обыгрывается как в поэзии, так и в прозаических нарративах.

Интродуктивная строфа к поэме

Интродуктивная строфа, начинающаяся словами *Día, Día do-grogus...* сразу оказывается как бы вне основного текста поэмы, что, как я понимаю, и было важно показать составителю Пролога. Предположительно, составитель Пролога к «Чуду...» в «Книге гимнов» работал с более ранней версией поэмы-элегии, которую уже предваряла «лишняя» вводная строфа. Но лишняя – на уровне поэтического текста, а не памятника в целом, который, как можно реконструировать, в не дошедшей до нас проторедакции уже мог включать в себя и краткий «прото-Пролог» (в дальнейшем он был значительно расширен), интродуктивную строфу, собственно поэму и многочисленные интерлинейные глоссы уже в самой ранней из дошедших до нас рукописей, составляющих со строками поэмы одно целое (см. рис.).

Все поздние компиляторы последовательно размещали интродуктивную строфу непосредственно перед текстом самой поэмы, осознавая существующую между ними некую важную связь. Причем интродуктивная строфа в данном случае выступала как своего рода продолжение *remfocul* ('пред-слово'): традиционно – небольшое предисловие, размещаемое перед новым разделом в текстах законов, позднее – некое предваряющее что-либо предложение. Данный термин, предположительно, используется по отношению к Прологу к поэме в самом его тексте. Сама поэма при этом подразделяется в рукописях на главки, снабженные латинскими «названиями» (например: *De mestitia omnium rerum in morte Columbae* – «Об общем горе из-за смерти Колумбы»). Как пишет об этом Дж. Бизани, «следует отметить, что ИС рассматривалась как часть, составляющая с поэмой как бы единое целое. Такой взгляд, предположительно, сложился в начале XI в., хотя у нас нет оснований утверждать, что изначально, то есть в тексте поэмы IX в., она уже присутствовала; видимо, мы имеем дело со своего рода реконтекстуализацией» [8 р. 213].

Несомненно, интродуктивная строфа отличается от собственно корпуса поэмы фокусом эмпатии автора (кем бы он ни был). Если в поэме автор почти ничего не говорит о себе (за исключением последнего раздела), и основным объектом описания, а также отчасти его адресатом является сам Колумба, то в ИС адресатом эмоционального воззвания является Бог. Причем в небольшом по объему тексте обращает на себя внимание регулярная альтернатива: поэт то непосредственно обращается к Богу, то говорит о нем в 3-м лице. Иными словами, ИС по своей нарративной структуре тоже не полностью предстает как гомогенный текст.

ITA DRA DOR ROGUS RETIAS
 IN MAGNIS. .i. ppo at agni dia
 suron mapu tiar in agniur. Culitua
 net. .i. ameth cy pat yshida tyeat
 corop aland de manire tyeat vena
 volem nime. Dia nime nimeitge
 hillungu tetschian unamitua
 met. .i. apuelo ppsm at dia nime t dia
 pps ande dia ap dal nimeitge regim illuz
 vena qmth amut. Dia mor manacul
 demur theinade dateret nider.
 .i. mor dia od manacul qmth tetho bale
 hithlet dhu coctm tcothet. .i. q pte mup.
 imbo dithuee da edporeu no olat tpeo
 de. .i. dia tca. .i. dthuee pail tpeo tmm tgh co
 mace. Pil dune ppsm adunde la dithuee
 qatbnto imbit ule. amthoe mape cump
 ia pman pirocus elines mo.
 donucall denimath net. .i. dia p
 oth t dia napsman piroci. .i. q or ubi
 ppe oib; tuocantib; ed. mor nuall. .i. p
 nuall. .i. nuall mectup tmdm. .i. tneit.

В то же время у нас нет достаточных оснований говорить о том, что термином *remfocul* в рукописях кодируется Пролог в целом. Так, с одной стороны, он действительно открывается словами: *Loc dond remoculsa chetus Druimm Ceta ar is ann doronad in mórdáil Dromma Ceta* [4 p. 11] – «Место этому пред-словию впервые – Друм Кет, ибо там был устроен великий собор в Друм Кете»⁷. Вместе с тем по расширенному тексту Пролога в «Книге бурой коровы» можно видеть, что это же понятие применяется компилятором уже не столько к Прологу, сколько скорее к интродуктивной строфе, которая в нем странным образом как бы повторяется дважды. В первый раз – лишь в виде начала первой строки: *Dia. Dia 7 gl.* – «Бог. Бог и так далее», за чем следует пространное рассуждение о метрике фрагмента (о чем – см. ниже), завершающееся словами: *Da ernail díb so isind remfocul so. Aterruch I nguth ngnáth 7 a innsimod* [4 p. 15] – «Два приема у этого пред-словия. Возвращение к прежнему звуку и пересказывание». Затем интродуктивная строфа приводится уже полностью, причем – с глоссами, носящими скорее лексический характер.

Таким образом, употребленное в самом начале Пролога слово *remfocul* также, строго говоря, может быть отнесено не к самому Прологу, а к интродуктивной строфе, которая, как полагает компилятор Пролога в редакции «Книги бурой коровы» (и в более поздних рукописях), и была впервые составлена во время собора в Друм Кете. В результате получается, что интродуктивная строфа оказывается скорее частью Пролога, чем «предисловием» к собственно поэме? Мне так не кажется. В самой ранней из дошедших до нас рукописей, *Liber Hymnorum*, данное дублирование не присутствует, и текст интродуктивной строфы по своему оформлению предстает скорее как относящийся уже к поэме в целом, чем к Прологу⁸. Видимо,

⁷ Имеется в виду историческое событие: собор в Друм Кете, на который из монастыря на Ионе приехал Колум Килле. На соборе, как принято считать, обсуждались три проблемы: положение поэтов-филидов в обществе и злоупотребление ими своей магической «властью», статус ирландской колонии в Шотландии – Дал Риады, а также – положение детей подчиненных королей, отданных «на воспитание» в дом верховного короля, но реально ввиду жестокого обращения с ними имеющих статус заложников. В Прологе к поэме, как можно предположить заранее, особое внимание уделено первому пункту. В нем рассказывается, как святой заступился за поэтов и не допустил их изгнания из Ирландии, но согласился на уменьшение численности их свиты.

⁸ Именно так она и была оформлена в самом первом издании поэмы по тексту «Книги бурой коровы» (см. [16]). Однако в размещенном на

трактовка интродуктивной строфы как части Пролога принадлежит компилятору «Книги бурой коровы», что затем воспроизводится в последующих рукописях. Но при этом парадоксальным образом, судя по выделенности в рукописи (шрифт), а также по наличию интерлинейрных глосс, она одновременно оказывалась частью и самой поэмы. Ввиду отсутствия заголовка к ней мы можем сделать как бы компромиссный вывод: интродуктивная строфа, безусловно, не была включена в текст во время компиляции среднеирландского периода, а уже присутствовала в не дошедшей до нас более ранней протOVERсии, однако поздние компиляторы осознавали ее чуждость по отношению к основному тексту элегии. Причем чуждость – скорее метрическую, но не содержательную! Не случайно она воспроизводится во всех восьми дошедших до нас списках поэмы, часть которых фрагментарна и лишена Пролога. Т. е., говоря проще, мы, видимо, имеем дело с чем-то вроде эпиграфа, который одновременно и составляет неотъемлемую часть памятника, и как бы находится «вне» его⁹.

Приведем наконец этот небольшой текст целиком в нашем, довольно условном, переводе:

Día Día do-rrogus ria tías inna gnúis,

Culu tría néit.

Día nimme nim-reilge i llurgu

i néighthiar

Ar múich dia méit.

Día már mo anacul de múr thein

(d)tide,

Diuderc ndér.

Día firén firocus c[h]luines

mo donúaill

Do nimiath nél.

Бог, к Богу я зываю, прежде чем

предстану пред ликом Его

Колесницей сквозь битву.

Бог небесный да не оставит меня

на пути страданий

В темном одиночестве!

Бог великий – моя защита

от стены огня,

Долговечных слез.

Бог истинный близок,

Он услышал мой стон

С облачных небес!

ресурсе CODEC Online Data примечании к изданию говорится, что в нем дан текст и перевод среднеирландского Пролога к поэме, «не путать с поэтическим вступлением к каноническому тексту поэмы» (www.vanhamel.nl/codecs/commentaries/ie).

⁹Наверное, любой опрошенный о начале романа «Анна Каренина» станет говорить о счастливых и несчастливых семьях, тогда как для Толстого это было не так! Более сложный случай: «Евгений Онегин», который тоже начинается не рассказом о больном дяде, а своего рода интродуктивной строфой, написанной тем же размером, но – с другой строфикой, чем сам роман.

Обращение к рукописям, в которых текст поэмы выделен крупным шрифтом, демонстрирует несколько другое деление на строки:

Día Día do-rrogus ria tías inna gnúis,
 Culú tría néit.
 Día nimme nim-reilge i llurgu i néighthiar ar múich dia méit.
 Día már mo anacul de múr thein (d)tide diuderc ndér.
 Día firén firocus c[h]luines mo donúaill
 Do nimiath nél.

Данное членение все же не представляется собственно метрическим, но скорее подчиняется фразовой семантике, хотя бесспорно обращает на себя внимание выделение двух кратких строк с двумя вершинами каждая: *Culú tría néit* и *Do nimiath nél*. Однако отмечаемые с легкостью рифмюиды и их позиции (*néit ~ méit, dér ~ nél*) скорее предполагают наличие в исходной редакции долгих строк, т. е. предположительно:

Día Día do-rrogus ria tías inna gnúis culú tría néit.
 Día nimme nim-reilge i llurgu i néighthiar ar múich dia méit.
 Día már mo anacul de múr thein (d)tide diuderc ndér.
 Día firén firocus c[h]luines mo donúaill do nimiath nél.

Именно такая строфическая организация мне и кажется исходной, причем, как это видно, она соответствует и синтаксическому членению строфы на строки. Но при этом совершенно ясно, что она была с метрической точки зрения фиксатору уже чужда и непонятна, и он пытался расположить текст, следуя какой-то иной внутренней его логике и знакомой ему метрической организации¹⁰.

¹⁰ Говоря о «чуждости» интродуктивной строфы тексту поэмы в целом, причем как в плане содержания, так и в плане выражения (размер), мы, естественно, должны быть готовы ответить на вопрос: а каким же размером написана вся элегия? Ответить на него очень трудно. Единой метрической схемы в поэме нет. Ранние исследователи даже были склонны считать ее своего рода аллитерированной и метризованной прозой (см. [17 p. 25]). Такое же мнение высказывает в своей недавно вышедшей многотомной монографии «Ключ к древнеирландской литературе» Д. О'Коррань: он считает, поэма написана на местной *Kunstprosa* [11 p. 1117]. Однако это, конечно, не совсем так. В ряде фрагментов, несомненно, вычленяются слогосчитающие строфы. Видимо, как я уже писала выше, и здесь проявляется неоднородность композиции.

В конце расширенной версии Пролога к поэме, содержащейся в Бодлеанской версии, датируемой XII в., компилятор более подробно, чем в «Книге бурой коровы», обращается к проблеме метрики интродуктивной строфы, задаваясь вопросом о ее несколько странном начале: *Dia, Dia 7 rl. Is aire emnas in cetfocul ar abéla nó ar lainni in molta do denam* [5 p. 144–145] – «Бог, Бог и так далее. Потому он дважды повторяет это слово, что хочет сделать сильнее и крепче свою хвалу».

В дальнейшем он пытается как-то объяснить данное лишнее удвоение, опираясь на логику самого поэта, с одной стороны, и на прецеденты – с другой, имплицитно полагая при этом, что автором интродуктивной строфы также являлся Даллан Форгалл:

Бог, Бог. Потому он повторяет дважды это слово, что хочет сделать сильнее и крепче свою хвалу. Или может быть, он был рассержен, что его прервали, ведь Колумба сказал: Лишь умершему подобает хвала. А может быть, он испугался, не захотел начинать свою хвалу, потому что знал, что вскоре Колумба умрет.

В Священном писании есть четыре вида повторов. Из любви: *Domine, Domine, virtus salutis meae!*¹¹ От печали: *Deus, Deus meus, respice in me, quare me dereliquisti?*¹² От гнева, когда Ева сказала: *Ubi es, ubi es, Adam?*¹³ Из страха: *uquequo Domine oblivisceris me, usquequo avertis faciem tuam a me?*¹⁴

Возвратом к прежним звукам называется этот прием, как называют его ирландские поэты... [5 p. 144].

Далее глоссатор приводит ряд схожих примеров повторов уже из ирландских текстов, но важным для нас здесь является то, что, как ему представляется, корни приема – в традиции библейской, и, как можно предположить, именно там он видит и источник образов, представленных в интродуктивной строфе.

Действительно, анализ ее текста с данной точки зрения делает многие ее образы и метафоры более понятными.

¹¹ Псалом 140.8: «Господи, Владыка мой, сила спасения моего!» В ирландском тексте дается строка из Вульгаты св. Иеронима.

¹² Псалом 22.2: «Боже мой, Боже мой! Почто Ты оставил меня...»

¹³ Неточная цитата из Быт. 3.9: «И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: Адам, где ты?»

¹⁴ Псалом 13.2: «Доколе, Господи, будешь (совершенно) забывать меня? Доколе будешь скрывать лицо Твое от меня?»

Интродуктивная строфа к поэме и Книга псалмов

Так, мне пришла в голову мысль сопоставить последние строки интродуктивной строфы («Бог истинный, Он близок, Он услышал мой стон с облачных небес») с началом псалма 40 (стих 2): «С надеждою ждал я Господа, и Он склонился ко мне, и услышал вопль мой». В подтверждение своей гипотезы я нашла аналогичное сопоставление в книге Т. Кланси и Г. Маркуса, посвященной культурной жизни на Ионе во времена Колумбы и Адомнана (см. [10 р. 240]). Не хочу приписывать себе чужих заслуг. В дальнейшем я нашла в диссертации Дж. Бизани еще несколько приведенных им возможных переключек отдельных фрагментов интродуктивной строфы к АСС со стихами псалмов. Привожу его наблюдения полностью, хотя отдельные переключки кажутся мне несколько натянутыми:

Día Día do-rrogus, – Бог, Бог, к Нему взываю ~ Ps. 22: 2 *Deus, Deus meus, quare me dereliquisti?* – Боже мой, Боже мой, почто Ты оставил меня?

Día nime ní-m-reilge / i llurgu. – Бог небесный да не оставит меня ~ Ps. 16: 10 *Quoniam non derelinques animam meam in inferno*. – Потому что Ты не оставишь души моей во аде.

Ps. 27: 9 *ne me reicias / neque derelinquas me, Deus salutis meae*. – Не отвергни меня и не оставь меня.

Ps. 38: 22 *ne derelinquas me Domine*. – Не оставь меня, Господи.

Día mór mo anacol, – Бог великий моя защита ~ Ps. 31: 4 *Quoniam fortitudo mea et refugium meum es tu*. – Потому что Ты скала моя и укрепление мое.

Ps. 46: 2 *Deus est nobis refugium et virtus*. – Бог нам прибежище и сила.

Día... mo anacol / de múr theinntidíu, – Бог... моя защита от стены огненной ~ Ps. 21: 9–10 *Inveniet manus tua omnes inimicos tuos... / Pones eos ut clibanumignis... et devorabit eos ignis*. – Найдет рука Твоя всех врагов Твоих, найдет десница Твоя ненавидящих Тебя... / Господь гневом Своим поглотит их, и пожрет их огонь.

Día fríén – Бог истинный ~ Ps. 4: 2 *Deus iustitiae meae*. Ps. 116: 5 *Misericors Dominus et iustus*. – Господь благ и праведен.

Ps. 119: 137 *Iustus est Domine*. – Праведен, Ты, Господи.

Día... cluines mo donuail, – Бог... Услышал мой вопль ~ Ps. 4: 4 *Dominus exaudiet cum clamavero ad eum*. – Господь слышит, когда я призываю Его.

Ps. 65: 2–3 *Deus... qui audis orationem...* – Бог... который услышал мольбу.

Día... cluines mo donuail / de nim-íath nél, – Бог... услышал мой вопль с облачных небес ~ Ps. 18: 7 *exaudívoit de templo suo vocem-meam*. – Он из чертога Своего услышал голос мой, и вопль мой к Нему дошел до слуха Его [8 p. 201].

К этому списку параллелей я могла бы добавить еще один: образ ‘стены огня’ (*múr theintide*), отсылающий к известному фрагменту из Книги Даниила, в котором описаны «три отрока в огненной печи». Данный эпизод Ветхого Завета считается одним из референтных текстов для создания системы образов древнеирландских *loricae*, поскольку иллюстрирует силу слова, обращенного к Господу: три отрока остаются живы, поскольку славят Господа и силу Его. Как пишет об этом П.-И. Ламбер: «Гяройд Май Ойн¹⁵ увидел параллель в списке в *Canticum trium puerorum*, хвалебном гимне, который поют три юноши, брошенные в печь по приказу Навуходоносора (Даниил 3.52–90), и ирландскими лориками. Их молитвы представляют скорее благословения, причем характеризуются нумеративным принципом, который был характерен как для текстов экзорцизма, так и для лорик, да и в целом – широко применялся в литании» [19 p. 632].

Приведенные Бизани параллели, мне кажется, не столько указывают на собрание псалмов как на непосредственный источник к интродуктивной строфе как к тексту, сколько очень точно рисуют собственно «фон», на котором этот текст складывался. Я остереглась бы все-таки называть ИС центоном из ирландских переложений Псалтыри, здесь важнее другое: воссоздание ментального комплекса, лежащего в основе фоновых знаний носителя данной традиции (а безусловно, таковым и был компилятор протоверсии АСС, добавивший к поэме интродуктивную молитву). Комплекса, прагматика которого была в первую очередь апотропейной: воззвание к Господу с просьбой помочь и сберечь!

В том, что в тексте интродуктивной строфы оказываются зашифрованными цитаты из псалмов, нет ничего удивительного. Собрание псалмов представляло собой для ранней кельтской церкви как бы установочный документ, известный гораздо более, чем

¹⁵ Видимо, автор имеет в виду работу [18].

собственно евангельский текст или Послания апостола Павла. Как писал об этом М. МакНамара в известной книге «Псалмы в ранней церкви Ирландии», в житийной и псевдоисторической литературе можно найти множество упоминаний псалмов, которые в период от 600 до 800 г. составляли как бы неотъемлемый элемент монастырского «бэкграунда». Причем, как он верно отмечает, сами тексты псалмов начали распространяться на острове гораздо раньше, несомненно – после миссии святого Патрика в 432 г., но возможно – и еще раньше, поскольку, как известно, христианство пришло в Ирландию не из Рима, а из Британии: Патрик (или – Палладий) был послан папой Целестином «к скоттам, уверовавшим в Христа» (см. [20], а также [21]), т. е. уже уверовавшим, и следовательно, уже приобщенным к каким-то священным текстам, ибо христианство – это сумма текстов, а не система озарений.

Проблема метрики интродуктивной строфы

В своей классической книге «Древнеирландская метрика» Дж. Мерфи, ссылаясь на Куно Мейера [22], приходит к выводу, что в случае с интродуктивной строфой мы имеем дело с ранними поэтическими экспериментами, которые представляли собой попытки переложить на ирландский язык образцы метрики латинских гимнов, хорошо знакомых древнеирландским клирикам. Как он пишет, «здесь ирландский поэт экспериментирует с рифмой и строфикой, которые были уже знакомы поэтам в конце VI в. Строфическая структура и рифма, заимствованные ими из латинских гимнических текстов, были орнаментированы местной традиционной аллитерацией. При этом четкое число слогов в строке, как мы видим, еще не было для них обязательным» [15 р. 18].

Действительно, уже в VII–VIII вв. в ирландской поэзии развивается особая слогосчитающая система, называемая «прямым стихом», для которой релевантным оказывается точное соблюдение числа слогов в строке, а также позиция ударения в завершающем строку слове. В дальнейшем данная система необычайно усложнилась, дополнившись аллитерационными и ассонансными схемами, а также внутренними рифмами. Ей предшествовал акцентный стих, ориентированный на число ударений в строке, однако его образцы в корпусе древнеирландской поэзии очень малочисленны. Считается, что он сохранился лишь в виде так называемых «реторик» – темных по содержанию стихов, представляющих собой поэтические вкрапления в прозаический саговый нарратив. Приведем

в качестве примера поэтическое «приветствие» из саги «Повесть о свинье Мак Дато»:

Fo-chen Conall, cride licce,
Londbruth loga, luchair ega...¹⁶ [15 p. 4].

Воссоздаваемая Мерфи метрическая схема выглядит следующим образом:

* // * // *
/ * / * / *

Число ударных слогов в долгих строках в данном случае – четыре, правда и слогов тоже – восемь в каждой (или, соответственно, два и четыре в кратких строках), но в этом же поэтическом фрагменте, как он показывает, присутствует краткая, завершающая строка: *At comsa mac Findchoime frim*¹⁷, которой уже соответствует метрическая схема:

* / ** / ** *

То есть число ударений в строке сохраняется, но число слогов возрастает.

Затем, как принято считать, под влиянием латинского квантитативного стиха¹⁸ в ирландской поэзии начинает развиваться особая ритмика, ориентированная уже на число слогов в строке, но установлению такой системы предшествует ряд экспериментов, в которых новая силлабика еще сочетается со старым акцентным стихом, соблюдающимся уже не строго. Затем, как также принято считать, силлабика в ирландском стихе полностью вытесняет тонику. Как пишет об этом М.Л. Гаспаров, «в отличие от древнегерманского кельтский стих твердо оставался силлабическим, образцов тонического стиха в кельтской поэзии очень мало» [24 с. 45]. Но при переходе от тоники к силлабике, как мы понимаем, возникали и некие странные гибридные формы. Одним из таких примеров Дж. Мерфи и предлагает считать интродуктивную строфу к поэме.

¹⁶ Приблизительный перевод: «Привет тебе, Коналл, сердце кристалла / жар ярости героя, сверкание льда».

¹⁷ «Повернись, сын Финдохом, ко мне».

¹⁸ О влиянии латинского стиха на ирландский и о существовании особых «гиберно-латинских» ритмических структур – см. [23].

В дальнейшем она была исследована Л. Братнохом, который сравнивал ее размер с размером довольно раннего поэтического трактата «Котел поэзии», который представляет собой как бы переходный этап от акцентного стиха к слогосчитающему (см. [25 р. 61]). В нем появляется рифма, но релевантным еще остается число ударений в строке, а не собственно число слогов, причем число ударений в нечетных и четных строках четко соблюдено – 5–2:

Dia, Dia do-rrogus ré tías ina gnúis – 5
 culu tria néit. – 2
 Día nime, nim-reilge i llurgu i n-égthiar – 5
 ar múichtheo méit. – 2
 Día már mo anacol de múr teintide, – 5
 diudercc dér. – 2
 Día fírien fírfocus, chluines mo donúaill – 5
 do nimíath nél. – 2.

Поэтическое экспериментаторство, по его мнению, проявлялось во введении рифмы, отсутствующей в акцентном стихе. Обращает на себя внимание, однако, и почти полное отсутствие аллитераций, обязательных и для нового «прямого стиха», и для старого – акцентного.

В общем, его схема практически совпадает с моей (приведенной выше). Моя идея состояла лишь в том, что при анализе данного текста надо больше ориентироваться на собственно рукописную традицию, выделяющую здесь скорее долгие строки. В моей интерпретации схема интродуктивной строфы должна будет выглядеть следующим образом:

Día Día do-rrogus ria tías inna gnúis culu tría néit.
 Día nimme nim-reilge i llurgu i néighthiar ar múich dia méit.
 Día már mo anacul de múr thein (d)tide diuderc ndér.
 Día firén firocus c[h]luines mo donúaill do nimiath nél.

// * / * * / * (*) // * * /
 // * * / * * / * * / * * / * /
 // (*) / * * * // * * / * /
 // * / * / * * / * * / * * /

Как мы видим, число ударений в долгих строках оказывается фиксированным (семь), а число слогов – заметно различается. Но при этом оппозиция долгий-краткий гласный при этом не учитывается, поэтому стих нельзя назвать квантитативным. Обращает на себя

внимание также соблюдение двуударной «стопы» в начале каждой строки. Вероятно, ради соблюдения данного правила слово «Бог» и было повторено в начале первой строфы дважды. Причем, как видим мы в тексте, первая двувершинная «стопа» состоит и из маркированно значимых слов: «Бог, Бог», «Бог небес», «Бог великий» и «Бог истинный». Несомненным также оказывается ориентация компилятора строфы на фразовое, а не на словесное ударение. Каждая долгая строка при этом представляет собой законченное синтаксически отдельное предложение, что, по определению О.А. Смирницкой, и является «прототипом» долгих строк в акцентном стихе (см. [26 с. 185]). Однако обращает на себя внимание также и отсутствие аллитераций.

Невозможность полностью вписать интродуктивную строфу в систему архаического акцентного стиха, как и можно было ожидать, привело к идее, что это – переход к силлабике. Она была впервые высказана еще в 1917 г. К. Мейером [17], который предложил видеть в интродуктивной строфе слогосчитающий новый ритм, в котором 10-сложные строки чередуются с трехсложными. Эта идея у ирландистов успеха не имела, отчасти – потому что далеко не всегда строки укладывались в схему 10–3: в тексте можно найти «лишние» слоги, которые, как считал Мейер, при чтении проглатывались. Действительно, в ряде случаев такое предположение кажется обоснованным, например: *mo anacol* ‘моя защита’ могло произноситься и как *m'anacol*. Однако прочтение, например, *mo donúaill* ‘мой стон’ как *m'donúaill* вероятным не кажется.

К идее рассматривать строфу как еще несовершенный, но все-таки уже образец слогосчитающего стиха вернулся и Дж. Бизани, предложив в своей диссертации следующую схему, полностью изменяющую сложившееся представление об изначальном делении строфы на строки:

5 *Día Día do-rrogus*
 5 *re-tías inna gnúis*
 4 *culu tre néit.*
 6 *Día nime ní-m-reilge*
 5 *i llurgu i n-égthiar*
 4 *ar múichthea méit.*
 5/6 *Día mór mo anacol*
 5 *de múr theinntidui*
 ¾ *díuderc ndér.*
 6 *Día fírién fír-ocus*
 5 *cluines mo donuaill*
 4 *de nim-íath nél* [8 p. 207].

В его интерпретации текст в общем не выглядит совершенным с точки зрения позднего стихосложения, но он уже выдает в себе элементы строфики и – что главное – легко поддается не только скандированию, но и *пению*, что, видимо, автор и хотел показать. Причем идее выделения в строфе деградировавшей акцентной схемы его разбивка на строки, как мне кажется, не противоречит. Так мы подходим к основной идее моего небольшого исследования: текстом-ориентиром для интродуктивной строфы к поэме были не автохтонные гимны или элегии, а тексты латинские, имеющие по сути своей скорее сакральную функцию и традиционно предназначенные именно для пения. Этим референтным текстом, естественно, было собрание псалмов, которое для ранней ирландской церкви играло очень большую роль. Да и не только для нее.

Теоретически на этом вообще можно было бы и закончить рассуждения, однако на самом деле данный вывод подводит меня еще к двум «путям исследования», причем совершенно различным по своей тематике, хотя отчасти и связанным между собой.

Судьба архаического акцентного стиха в устной ирландской традиции

Первый путь касается судьбы акцентного стиха в ирландской культуре. Как было сказано выше, принято считать, что в начале древнеирландского периода он был вытеснен силлабическими размерами, которые в дальнейшем развивались, усложнялись и структурировались (схемы и «имена» размеров), достигнув техники уже совершенно изоощренной в период расцвета бардической поэзии (XIII–XV вв.). Но затем, начиная с XVI в. происходит возрождение акцентного стиха. Как пишет, например, Ш. О’Тума, «до начала семнадцатого столетия характеризующей чертой ирландской профессиональной поэзии была силлабика. В начале семнадцатого столетия появляется новая поэзия, в основном – в стихах, имеющих политическую и социальную направленность. Отчасти в этих текстах сохраняются бардические приемы, но написаны они были “новыми” акцентными размерами» [27 р. xviii]. Автор не случайно ставит слово «новые» в кавычки: речь идет не об изобретении новых стихотворных форм, но о возрождении старого акцентного стиха. Более того, я предполагаю, что полностью он в Ирландии никогда и не исчезал, но сохранялся в устных формах бытования поэтического текста: народной песни, заговоре и даже монастырской поэзии (в так называемых лориках – оградительных поэмах). Мы должны

понимать (и постоянно помнить), что дошедшие до нас средневековые ирландские поэтические тексты, во-первых, составляют лишь небольшую часть из некогда зафиксированных образцов, погибших в основном в период скандинавского вторжения. Во-вторых, что эти тексты, возникшие в монастырской среде, также представляют собой лишь малую долю из реально функционировавшей поэтической традиции, принадлежащей как профессиональным поэтам-филидам, так и непрофессиональным народным певцам. В основном монастырская лирика писалась силлабическим «прямым стихом», однако в ней можно найти примеры, поразительным образом напоминающие приведенные выше образцы акцентной архаики. Так, лорика святого Патрика, датируемая VIII в., также опирается, несомненно, не на число слогов в строке, но на число ударений и также лишена рифм (а к тому же и аллитераций):

Atomriug indiu niurt nime,
Soilsí gréne, étrochraí éscái,
Ánī thened, déní lóchet,
Luaithi gaithe, fídomnai mara [28 p. 131].

Ограждаюсь ныне силой небес,
Светом солнца, сиянием луны,
Блеском огня, скоростью света,
Быстротой ветра, глубиной моря.

Как можно увидеть, число слогов в долгих строках колеблется от 8 до 10, тогда как число ударных слогов – всегда четыре.

Наверное, данное намеченное направление требует дальнейшего исследования.

Лорики как жанр древнеирландской монастырской поэзии

Второй путь касается уже происхождения, функционирования и квалификации магических поэтических текстов внутри самой ирландской традиции.

В свое время М. Херрен предполагал, что источником для появления древнеирландских *loricae* послужили античные таблички с проклятиями, перечисляющие части тела проклиняемого, а также амулеты с близкими по содержанию текстами, которые, напротив, обретали протективный характер (см. [29 p. 27–29]). Отчасти это, конечно, так, однако при этом нельзя забывать и о роли псалмов именно как собрания магических и протективных текстов, которые,

с одной стороны, в первую очередь по самому содержанию своему удивительным образом уже состояли в основном из призывов, жалоб, а также угроз врагам. А с другой стороны, эти тексты всегда находились, так сказать, под рукой, а точнее – в умах, иногда даже не полностью осознанно¹⁹. Уходящие своими корнями в сакральный латинский текст, ирландские строки складывались в оградительные стихи, источник которых мог уже не до конца осознаваться, но которые должны были служить оберегом при начинании какого-то важного дела или в случае опасности. И как я полагаю, интродуктивная строфа к АСС именно такую функцию и выполняла. Причем я не могла бы дать однозначного ответа на возникающий здесь естественный вопрос: была ли она в таком случае написана отдельно от самой поэмы и лишь вставлена в текст при последующем переписывании и компиляции, или она изначально была включена в общий текст тем же анонимным клириком, которому принадлежит основная часть самой поэмы. Скорее – первое, хотя говорить здесь об авторстве отдельно от компиляции, наверное, просто невозможно.

Но декларируя оградительные функции интродуктивной строфы, составленной в основном из древнеирландских вольных переложений строк псалтыри, и сравнивая ее с монастырскими лориками, мы естественным образом выходим к широкой и сложной теме использования самих псалмов как магических текстов. Как пишет Ж. Борч, «местные жрецы должны были использовать против носителей новой веры собственные слова силы. Те же в ответ обращались к ним с латинскими псалмами» [30 р. 18]. В агиографической литературе, как и в саговых нарративах, как и позднее в фольклорных источниках, действительно находится множество примеров использования псалмов как магических текстов, причем в первую очередь – для борьбы с язычеством, а во вторую – в рассказах о конфликтах ирландских святых с представителями светской знати (см. об этом в [2], там же отсылки к литературе по вопросу). В наиболее ранних источниках – корпусе древнеирландских глосс к латинским текстам, в которых по отношению к псалмам используется обычно слово *cantare* ‘петь’, фигурирует ирландское *cétal* ‘пение’. Это естественно. Но что представляет больший интерес – это перенос данной лексемы в более широкую семантическую область и регулярное применение его к друидическим заклинаниям,

¹⁹ Например, известная поговорка «не рой другому яму» представляет собой аллюзию к псалму 9, стих 16: «Погрузились народы в яму, которую ископали...», аналогичных примеров можно найти еще множество.

т. е. именно к тем текстам, о которых предположительно писала Ж. Борч. Примеры здесь также необычайно многочисленны, но мне хотелось бы ограничиться лишь одним. В своем «Глоссарии», составленном в самом начале X в., епископ Кормак Мак-Куллинен так пишет о друидах: *Drái .i. dorua ái .i. airechetal, ar is tria dán dogní sium a brechta* [31 p. 40] – «Друид (маг?), то есть достиг бы поэзии, то есть **распевания**, ибо через стихи (искусство) осуществляет он свои заклинания».

Заключение

Итак, как мы могли бы в данном случае восстановить семантический путь лексемы, идея воссоздания оградительного (а затем и шире – магического) текста именно в форме пения, уходящая корнями в псалмическую традицию, проецировалась и на реконструируемые уже в монастырской среде, но вряд ли существовавшие реально магические заклинательные практики языческих жрецов. Анализ метрики интродуктивной строфы к поэме «Чудо Колума Килле», казалось бы, не имеет с данным выводом логической связи. Но это не совсем так: именно данное исследование помогло мне ответить на вопрос, почему речевые действия друидов, как изображаются они в сагах, кроме понятного *bricht* ‘заклинание’, имеющего континентальные кельтские параллели, регулярно обозначаются лексемой *cétal* ‘пение’ и ее производными. Видимо, **пение** псалма как магический акт предполагало в качестве проекции и своего рода языческое *антипение*.

Статья выполнена в рамках гранта «Грамматика нереального: к анализу семантики и прагматики текста кельтской и германской средневековой нарративной и поэтической традиции» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-012-00131.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “A Grammar of Unreal: Studies in the Semantics and Pragmatics of Medieval Celtic and Germanic narrative and poetic tradition”, no 18-012-00131.

Литература

1. *Пушкин А.С.* О ничтожестве литературы русской // Полное собрание сочинений: В10 т. / Пушкин А.С. М.: Наука, 1958. Изд. 2-е. Т. VII. С. 306–314.
2. *Михайлова Т.А.* Даллан Форгалл – автор «Чуда Колума Килле»? // Топоровские чтения I–IV: избранное / сост. М.В. Завьялова, Т.В. Цивьян. М.: Пробел, 2010. С. 78–96.
3. The Irish 'LiberHymnorum' / J.H. Bernard, R. Atkinson (eds.). London: Harrison and sons, 1898. Vol. I. P. 162–183.
4. Lebor na hUidre / R. Best, O. Bergin (eds.). Dublin: Royal Irish Academy, 1929. P. 11–41.
5. The Bodleian Amra Choluimb Chille / W. Stokes (ed.) // Revue Celtique. 1899. Vol. XX. p. 31–55, 132–183, 248–289, 400–437.
6. *Mac Póilin A.* Afterword // Amra Choluim Chille. Dallan's Elegy for Columba / P.L. Henry. (ed. and transl.). Belfast: Colmcille; Ultach Trust, 2006. P. 88–93.
7. *Herbert M.* Iona, Kells and Derry. The History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba. Dublin: Four Courts Press, 1996. 327 p.
8. *Bisgni J.* Amrae Coluimb Chille: a critical edition. PhD Thesis. National University of Ireland, Galway, 2008. 560 p.
9. *Bisagni J.* The Language and the Date of Amrae Coluimb Chille // Kelten am Rhein. Akten des dreizehnten Internationalen Keltologiekongress. Zweiter Taeil: Philologie / S. Zimmer. (hrsg.). Bonn: Verlag Philopp Von Zabern, 2009. P. 1–11.
10. *Clancy T.O., Márcus G.* Iona. The Earliest Poetry of a Celtic Monastery. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1995. 271 p.
11. *Ó Corráin D.* Clavis Litterarum Hibernensium. Medieval Irish Books & Texts. Turnout: Brepols Publisher, 2017. Vol. 2. 1932 p.
12. *Russell P.* An Introduction to the Celtic Languages. London; New York: Longman, 1995. 347 p.
13. The Death of Cú Chulainn. A Critical Edition of the Earliest Version / B. Kimpton (ed.). Maynooth: School of Celtic Studies, 2009. 120 p.
14. *Herbert M.* The Preface to Amra Coluim Cille // *Sages, Saints and Storytellers: Celtic Studies in Honour of Professor James Carney* / D. Ó Corrain, L. Breatnach, K. McCone (eds.). Maynooth, 1989. P. 67–74.
15. *Murphy G.* Early Irish Metrics. Dublin: Royal Irish Academy, 1961. 132 p.
16. *O'Brien Crowe J.* The Amra Choluim Chilli of Dallan Forgaill: now printed for the first time from the original Irish in Lebor na hUidre. Dublin: McGlathan and Gill, 1871. 286 p.
17. *Meyer K.* Miscellanea Hibernica II. Urbana, 1917. 55 p.
18. *Mac Eoin G.* 'Invocation of the Forces of Nature in the Loricae' // *Studia Hibernica*. 1962. Vol. 2. P. 212–217.
19. *Lambert P.-Y.* 'Celtic Loricae and Ancient Magical Charms' // *Magical practice in the Latin West: papers from the international conference held at the University of*

- Zaragoza, 30 Sept. – 1 Oct. 2005 / R.L. Gordon and Fr.M. Simon (eds.). Leiden: Brill, 2010. P. 629–648.
20. *McNamara M.* The Psalms in the Early Irish Church. Sheffield: Sheffield Academic Press, 2000. 497 p.
 21. *Михайлова Т.А.* Кем же все-таки был епископ Палладий // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX (2). Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб.: Наука, 2016. С. 730–738.
 22. *Meyer K.* Über die älteste irische Dichtung: Rhythmische alliterierende reimlose Strophen. Berlin: Verlag der König, 1914. Bd. II. 40 s.
 23. *Herren M.W.* The Stress System of the Hiberno-Latin Hendeca Syllable // *Celtica*. 1990. Vol. 21. P. 223–230.
 24. *Гаспаров М.И.* Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989. 304 с.
 25. *Breathach L.* The Caldron of Poesy // *Ériu*. 1981. Vol. 32. P. 45–93.
 26. *Смирницкая О.А.* Метрические единицы аллитерационного стиха (к проблеме языка германской эпической поэзии) // Избранные статьи по германской филологии / Смирницкая О.А. М.: МАКС-ПРЕСС, 2008. С. 182–188.
 27. *Ó Tuama S.* Introduction // *An Duanaire 1600–1900: Poems of the Dispossessed* / Ó Tuama S., Th. Kinsella (eds.). Dublin: The Dolmen Press, 1981. 382 p.
 28. *Carey J.* King of Mysteries. Early Irish Religious Writing. Dublin: Four Courts Press, 1998. 304 p.
 29. *Herren M.W.* The Hisperica Famina II: Related Poems. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1987. 320 p.
 30. *Borsje J.* Celtic Spells and Counterspells // *Understanding Celtic Religion, Revisiting the Pagan Past* / K. Ritari, A. Bergholm (eds.). Wiltshire: University of Wales Press, 2015. P. 9–50.
 31. *Sanas Cormaic (Cormac's Glossary).* Ed. from the copy in the Yellow Book of Lecan / *Meyer K.* (ed.). Dublin, 1913. 128 p.

References

1. Poushkin AS. Complete works in ten volumes Moscow: Nauka Publ.; 1958. On a nothingness of Russian literature. 2nd ed. Vol. VII. p. 306-14. (In Russ.)
2. Mikhailova TA. Dallan Forgail as the author of the “Amrae Coluim Chille”? V: Zav’yalova MV., Tsiv’yan TV., comp. *Toporov Conference I-IV. Selection*. Moscow: Probel Publ.; 2010. p. 78-96. (In Russ.)
3. Bernard JH., Atkinson R., eds. The Irish ‘Liber Hymnorum’. London: Harrison and sons, 1898. Vol. I. p. 162-83.
4. Best R., Bergin O., eds. *Lebor na hUidre*. Dublin: Royal Irish Academy, 1929. p. 11-41.

5. Stokes W., ed. The Bodleian Amra Choluimb Chille. *Revue Celtique*. 1899; XX: 31-55, 132-83, 248-89, 400-37.
6. Mac Póilin A. Afterword. Henry P.L., ed. and transl. *Amra Choluim Chille. Dallan's Elegy for Columba*. Belfast: Colmcille; Ultach Trust, 2006. p. 88-93.
7. Herbert M. Iona, Kells and Derry. The History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba. Dublin: Four Courts Press, 1996. 327 p.
8. Bisgni J. Amrae Coluimb Chille: a critical edition. PhD Thesis. National University of Ireland, Galway, 2008. 560 p.
9. Bisagni J. The Language and the Date of Amrae Coluimb Chille. ZimmerS., hrsg. *Kelten am Rhein. Akten des dreizehnten Internationalen Keltologiekongress. Zweiter Teil: Philologie*. Bonn: Verlag Philopp Von Zabern, 2009. p. 10-11.
10. Clancy TO., Márcus G. Iona. The Earliest Poetry of a Celtic Monastery. The Earliest Poetry of a Celtic Monastery. Edinburgh: Edinburg University Press, 1995. 271 p.
11. Ó Corráin D. Clavis Litterarum Hibernensium. Vol. II. Medieval Irish Books & Texts. Turnout: Brepols Publisher, 2017. 1932 p.
12. Russell P. An Introduction to the Celtic Languages. London; New York: Longman, 1995. 347 p.
13. Kimpton B., ed. Death of Cú Chulainn. A Critical Edition of the Earliest Version. Maynooth: School of Celtic Studies, 2009. 120 p.
14. Herbert M. The Preface to Amra Coluim Cille. Ó Corrain D., Breatnach L., McCone K., eds. *Sages, Saints and Storytellers: Celtic Studies in Honour of Professor James Carney*. Maynooth, 1989. p. 67-74.
15. Murphy G. Early Irish Metrics. Dublin: Royal Irish Academy, 1961. 132 p.
16. O'Brien Crowe J. The Amra Choluim Chilli of Dallan Forgaill: now printed for the first time from the original Irish in Lebor na hUidre. Dublin: McGlachan and Gill, 1871. 286 p.
17. Meyer K. Miscellanea Hibernica II. Urbana, 1917. 55 p.
18. Mac Eoin G. Invocation of the Forces of Nature in the Loricæ. *Studia Hibernica*. 1962; 2:212-17.
19. Lambert P-Y. Celtic *Loricæ* and Ancient Magical Charms. Gordon RL., Simon FrM., eds. *Magical practice in the Latin West: papers from the international conference held at the University of Zaragoza, 30 Sept. – 1 Oct. 2005*. Leiden: Brill, 2010. p. 629-48.
20. McNamara M. The Psalms in the Early Irish Church. Sheffield: Sheffield Academic Press, 2000. 497 p.
21. Mikhailova TA. Who really was the episcopus Palladius? V: Indo-European linguistics and classical philology – 20th (2). Proceedings of the conference dedicated to the memory of Professor Joisif Moiseevich Tronsky. Sankt-Peterburg: Nauka Publ.; 2016. p. 730-38. (In Russ.)
22. Meyer K. Über die älteste irische Dichtung: Rhythmische alliterierende reimlose Strophen. Berlin: Verlag der König, 1914. Bd. II. 40 s.

23. Herren MW. The Stress System of the Hiberno-Latin Hendeca Syllable. *Celtica*. 1990;21:223-30.
24. Gasparov ML. Studies in the history of European metrics. Moscow: Nauka Publ.; 1989. 304 p. (In Russ.)
25. Breathach L. The Caldron of Poesy. *Ériu*. 1981;XXXII:45-93.
26. Smirnitskaja OA. Selected articles on German philology. Moscow: MAKSPRESS Publ.; 2008. On the metric unities of Alliterative verse (towards the problem of the languages of Germanic Epic poetry). p. 182-88. (In Russ.)
27. Ó Tuama S. Introduction. Ó Tuama S., Kinsella Th., eds. *An Duanaire 1600–1900: Poems of the Dispossessed*. Dublin: The Dolmen Press, 1981. 382 p.
28. Carey J. King of Mysteries. Early Irish Religious Writing. Dublin: Four Courts Press, 1998. 304 p.
29. Herren MW. The Hisperica Famina II: Related Poems. The Hisperica Famina II: Related Poems. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1987. 320 p.
30. Borsje J. Celtic Spells and Counterspells. Ritari K., Bergholm A., eds. *Understanding Celtic Religion, Revisiting the Pagan Past*. Wiltshire: University of Wales Press, 2015. p. 9-50.
31. Meyer K., ed. Sanas Cormaic (Cormac's Glossary). Dublin, 1913. 128 p.

Информация об авторе

Татьяна А. Михайлова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; tamih.msu@mail.ru

Information about the author

Tatyana A. Mikhailova, Dr. in Philology, professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie gory str., Moscow, Russia 119991; tamih.msu@mail.ru